

УДК 114

А. Кватанія

*магістр філос. наук, аспірант каф. філасофіі культуры
Белорусскаго дзяржаўнага ўніверсітэта
e-mail: aleksi.kvatania@gmail.com*

ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТА КАК ПРЕДМЕТ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена рассмотрению феномена пространственности субъекта как предмета неклассической философии. В работе предпринята попытка экспликации пространственных характеристик субъекта и проанализирована особенность подходов к данной проблеме у западных философов, исследования которых получили широкое признание в философских кругах и оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие философской мысли. Анализируется значение феномена пространственности субъекта в становлении неклассических концепций субъективности. Концептуальная разработка проблемы пространственности субъекта различными философами предоставляет разнообразные подходы к осмыслению этого феномена и раскрывает его сложность, многоаспектность и многогранность. Подходы, разработанные на почве феноменологии, фундаментальной онтологии и онтологии повседневности, предоставляют возможность для более глубокого изучения феномена пространственности субъекта, тем самым расширяя арсенал познавательного инструментария и понятийного аппарата для понимания характера экзистенции субъекта.

Введение

Целью статьи является историко-философская реконструкция проблемы пространственности субъекта в неклассической философии. Поставленная цель достигается через решение следующих задач: 1) экспликация особенностей эволюции проблемы пространственности субъекта в европейской философии; 2) реконструкция проблемы пространственности субъекта в феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера; 3) выявление сущностных характеристик пространственности субъекта в французской философии двадцатого века.

Конец классического философствования, наступивший, как принято считать, после смерти Гегеля, связан с расширением и трансформацией поля философских исследований. В философии происходит тематизация ранее не исследованных аспектов существования субъекта (у Гуссерля речь идет о «жизненном мире»). В фундаментальной онтологии Хайдеггера мы встречаем проблематизацию «фактичности присутствия». Среди магистральных тем неклассической философии особое место занимает проблема пространственности субъекта. В работах многих европейских мыслителей анализируется взаимосвязь пространственности субъекта со структурной определенностью его сознания и самосознания. Данную ситуацию хорошо иллюстрируют слова М. Фуко: «В наши дни нас беспокоит скорее вопрос пространства, чем вопрос времени; время, вероятно, предстает всего лишь как одна из разновидностей возможного взаимодействия между перераспределяющимися в пространстве элементами» [1, с. 193].

Рост интереса к различным аспектам пространственности субъекта в современном философском познании делает необходимым глубокое и всестороннее изучение этого вопроса. Именно эта проблематика стала предметом данной статьи, где предпринята попытка экспликации пространственных характеристик субъекта и проанализирована особенность подходов к данной проблеме у западных философов, работы которых

Научный руководитель – И.М. Наливайко, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии культуры философского факультета Белорусского государственного университета

получили широкое признание в философских кругах и оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие философской мысли. Понимание феномена пространственности субъекта неразрывно связано с пониманием феномена пространства, поэтому необходимо коснуться характера разработки этого феномена в классической философии.

Эволюция проблемы пространственности субъекта в европейской философии

В средневековой европейской философии понимание пространственности субъекта базировалось на христианской онтологии. Само пространство понималось как иерархически сконструированное целое, в котором человек занимал отведенное ему место. Однако в эпоху Возрождения и в Новое время начинает развиваться западноевропейская наука. Складывается научное мировоззрение, ориентированное на объективную истину, добываемую через экспериментальный опыт и обоснованную через рациональную научную теорию. По словам Фуко, «подлинный скандал, произведенный Галилеем, заключался не столько в том, что он открыл, или, скорее, переоткрыл, что Земля вращается вокруг Солнца, сколько в том, что он построил пространство бесконечное – и бесконечно открытое; в итоге оказалось, что место, как его понимали Средние века, как бы растворилось» [1, с. 192]. Меняется не только понимание пространства, в котором упраздняется иерархия, но и пространственность субъекта приобретает новый статус. Точнее, пространственность субъекта отходит на второй план, в то время как особое внимание уделяется познавательной способности человека.

Не будет преувеличением сказать, что классический субъект вовсе не «нуждался» в протяженности. Единственным и достаточным атрибутом его бытия принималась его способность к достоверной самопрезентации. На заре Нового времени Декарт радикальным образом «разводит» мышление и протяженность, между которыми возникает непреодолимая пропасть. Субъект отождествляется с мышлением, которое вынуждено признать существующим еще и протяжение. Причем в метафизике Декарта оно легко поддается вычислению и однородно по всем направлениям. Взгляд Лейбница на пространство отличается от представлений Декарта и Ньютона. В его концепции пространство испытывает влияние со стороны находящихся в нем вещей и происходящих процессов. Однако, как отмечает М. Маяцкий, «в полемике двух концепций пространства, ньютоновско-картезианской и лейбницеанской, победила первая. Надолго» [2]. Соответственно и понимание пространственности субъекта также базировалось на общем понимании пространства.

Если для Декарта мышление и протяженность оставались феноменами, не сводимыми к одному знаменателю, то Кант в своей философии смог достаточно оригинальным способом расположить пространство внутри сознания в виде априорной формы чувственности наряду со временем, тем самым еще больше укрепив прочные позиции субъекта. В тоже время следует иметь в виду, что «Кант попытался прочертить твердую демаркационную линию между пространством как формой внешнего опыта и вещами, данными в этом опыте. Разумеется, речь не идет о каком-либо отношении некоего вместилища к тому, что оно вмещает в себе» [3, с. 313].

Что же касается Гегеля, то его панисторизм больше концентрировался на временном аспекте развертывания Абсолютной идеи и меньше внимания уделял феномену пространства. Хоть Гегель и утверждал, что «с cogito начинается борьба сознаний, каждое из которых ... ищет смерти другого» [1, с. 453]. Тем не менее субъект должен обладать пространственным измерением хотя бы для того, чтобы «встретить» другого субъекта, что представляется невозможным в рамках классической метафизики. Абсолютный дух абсолютно одинок. Таким образом, мы видим, что в классической философии имеет место «забвение» пространственности субъекта. Такое положение вещей объясняется самой внутренней логикой идеализма, который берет свое начало от Платона.

Идеализм в этом смысле представляет собой замкнутый, самодостаточный круг, из которого нет выхода к пространственности субъекта. Для идеализма нет возможности вести разговор о «жизненном мире» субъекта, или, по словам Хайдеггера, трансцендентальный субъект испытывает дефицит «фактичности». То же самое характерно и для метафизического материализма. Несмотря на такое положение вещей, конечно же, бесспорно, что метафизические системы вышеупомянутых мыслителей обладают цельностью и завершенностью, однако они не позволяют инициировать исследования, связанные с человеком не просто как трансцендентальным субъектом, а как существом, «переживающим» пространство и через это понимающим себя и свое «место» в мире.

Среди исследователей наблюдается единодушие относительно того, что Кьеркегор впервые в западной философии стремится поставить вопрос, который так тщательно обходится стороной классической метафизикой. Этот вопрос как раз касается способа существования человека, а именно, невозможности сводить его к простому объекту. Осуществляется различие между наличием объекта и экзистенцией субъекта. Для поиска соразмерных подходов к изучению именно феномена экзистенции требуется переосмысление понимания пространственности субъекта. Уникальность каждого отдельно взятого человека, неповторимость его внутреннего мира требуют особого познавательного подхода, способного адекватно «осветить» фундаментальные структуры его самости. На закате классического стиля философствования уже существовало понимание того, что субъект, как и любой возможный предмет познания, обладает пространственными характеристиками. Но специфика этих характеристик еще требовала ясной экспликации. Кьеркегор ввел в поле философских исследований, такие феномены, как смерть и страдание, условием возможности которых с необходимостью выступает пространственность человека. Ведь конечность субъекта гарантирована его телесностью, пространственной протяженностью, как и переживание боли и страданий. В идеалистических философских системах, возможно, конкретному субъекту отводится самая незначительная эпизодическая роль, и, соответственно, для общего замысла «мировой истории» не так важны его жизнь и смерть, как и его страхи и тревоги. Но с точки зрения самого субъекта, все это имеет огромное значение. Тем самым субъект классической метафизики «спускается» с неведомых небес и начинает приобретать «плотность». Ему приходится «считаться» с протяжением и своей конечностью. Согласно Мерло-Понти, Кьеркегор первым заявляет о том, что «абсолютное полагание одного единственного объекта означает смерть сознания, ибо оно сковывает всякий опыт, подобно тому, как кристалл, введенный в раствор, вызывает его мгновенную кристаллизацию» [3, с. 107].

Проблема пространственности субъекта в феноменологии Гуссерля и фундаментальной онтологии Хайдеггера

Выросшая в рамках неокантианства феноменология Гуссерля ориентирована на преодоление естественнонаучного подхода в философии. Гуссерль исходит из феномена горизонта, который составляет основание феноменологической теории пространственности. Наследуя идеи Декарта и Канта, Гуссерль также наследует и категориальный аппарат, свойственный метафизической традиции. Он, естественно, критически их переосмысливает, но все же ему не удается совершить радикального рывка, который смог бы позволить ему по-новому поставить вопрос о пространственности субъекта. Пространственность в феноменологии субъекта остается конструкцией сознания, как и любой другой феномен, с которым оно имеет дело. Его феноменологический анализ все еще перегружен «метафизической» терминологией. Свидетельством тому может служить такая его амбиция – построение «философии как строгой науки».

Научный словарь не является единственным, позволяющим говорить о пространственности субъекта, и «совершенно обосновано обратиться к интуиции и литературе, чтобы найти ненаучную форму понимания тех аспектов человеческой деятельности, которые ускользают от более точного понимания» [4, с. 155]. Это сделал Хайдеггер, которого и следует считать разработчиком совершенно нового подхода к изучению пространственности человека. Знаменитый ученик Гуссерля оказался именно тем, кто осмелился на рискованный «прыжок» из метафизической традиции. Радикальность этого «прыжка» формируется характером его рассуждений: «Пространство не становится впервые доступно только через размирщение окружающего мира, пространственность вообще открывается только на основе мира, именно так, что пространство все же конституирует мир, соответственно сущностной пространственности самого присутствия в плане его основоустройства бытия-в-мире» [5, с. 113]. Хайдеггеру первому удается найти подходящий язык, для того чтобы говорить о пространственности Dasein. Он, как и его учитель, очень критически настроен по отношению к естественнонаучному мышлению, когда речь заходит об исследовании фундаментальных структур человеческой экзистенции. Он сосредоточивает свое внимание на анализе таких феноменов, как мир, бытие-в-мире, мирность, тем самым возвращая философское мышление на неметафизическую «территорию».

Согласно Хайдеггеру, «в-чем себя-отсылающего понимания как в-видах-чего допущения сущему встретиться бытийным способом имени-дела есть феномен мира. И структура того, в видах чего присутствие себя отсылает, есть то, что составляет мирность мира» [5, с. 87]. Хайдеггер сознательно отказывается от таких понятий, как субъект, сознание, объективность, в чем и следует искать причину его успеха в вопросе исследования пространственности человека. Исследователи признают, что радикальность мышления Хайдеггера во многом обусловлена его теологическими штудиями. Отказ от метафизической терминологии снимает вопрос относительно различения внутреннего и внешнего мира, которым так много времени уделялось в трансцендентальном идеализме. Также снимается и проблема интерсубъективности. Если описывать ситуацию словами Ричарда Рорти, то словарь, предложенный Хайдеггером, лишил многие метафизические проблемы своей актуальности. Хайдеггер смог показать, что «только в Новое время “пространство” как однородная протяженность впервые “спроектировано” человеческим сознанием, отождествившим себя с субъектом» [6, с. 14].

В основном хайдеггеровская концепция пространственности человека полемизирует с естественнонаучной. Естественнонаучный дискурс устанавливает за субъектом статус особого объекта в трехмерном пространстве. Хайдеггер же утверждает, что присутствие имеет «собственное “бытие-в-пространстве”, что, однако, со своей стороны возможно только на основе бытия-в-мире вообще» [5, с. 56]. Мир для Хайдеггера не есть совокупность физических и психических объектов, как это представлено в естественнонаучной картине мира. Для Хайдеггера «понятость бытия-в-мире как сущностной структуры присутствия впервые позволяет вникнуть в экзистенциальную пространственность присутствия» [5, с. 56]. Ученый четко различает бытие-в-мире и наличие в пространстве и упрекает естественные науки в неспособности видеть это важное различие.

Несмотря на тот вклад, который внес Хайдеггер в разработку проблемы пространственности субъекта, многие исследователи критикуют его за то, что он больше внимания уделяет феномену времени, нежели пространства. К числу его критиков принадлежит современный российский философ В.И. Молчанов, по словам которого, «время есть тень пространства, или, если обойтись без метафор, эрзац пространства» [7, с. 26]. Тем не менее следует признать, что возвращение проблемы пространственности субъекта в круг философских проблем является несомненной заслугой именно Хайдеггера.

Ему удалось однозначно показать, что анализ пространственности субъекта возможен лишь в рамках фундаментальной онтологии. Его работы, несомненно, дали мощный толчок исследованиям, связанным с экзистенциальным измерением пространства, будь то пространство повседневности или пространство современного города. Благодаря этим исследованиям, которые часто носят междисциплинарный характер, пространство вообще и пространственность субъекта в частности стали предметами многочисленных теоретических поисков. Поэтому заявление о том, что «Время вытеснило космос и Бога, подчинило себе пространство, стало синонимом реальности» [8, с. 15], правильнее будет трактовать как очень красивую метафору.

Проблема пространственности субъекта во французской философии XX века

Во французской философии XX в. тема пространственности субъекта становится одной из важнейших. Для Сартра «духовность, предполагающая телесность, является экзистенциалом человеческого существования» [9, с. 45]. Феномен пространственности, присущий человеку, хорошо передан Сартром, когда он описывает ситуацию встречи с другим человеком. По его словам, «пространство целиком группируется вокруг другого, и это пространство создается вместе с моим пространством; эта перегруппировка, при которой я присутствую и которая от меня ускользает, всех объектов, населяющих мой универсум» [10, с. 278]. Сартр также считает феномен мира предусловием обнаружения пространственности человека. По его словам, «это, как бытие-качество, может появиться только на фоне мира, но мир есть набор этих (у Сартра *это* обозначает бытие-качество сущего – *А.К.*), и распадающееся отношение мира к этим образует из них пространственность» [10, с. 224]. Концепция пространственности Сартра разрабатывается на почве феноменологии, но в ней больше угадывается влияние Гуссерля, нежели Хайдеггера.

Морис Мерло-Понти в своем фундаментальном исследовании «Феноменология восприятия» очень много внимания уделяет феномену пространственности субъекта. Его подход очень близок к хайдеггеровскому, и свое понятие мира он разрабатывает, опираясь на хайдеггеровский анализ «мирности мира», который считает серьезным достижением феноменологии в целом. М. Мерло-Понти также настаивает на том, что экзистенциальное измерение пространства может быть только «субъективным», однако это вовсе не означает, что оно уступает в истинности объективному. Философ рассуждает: «Если моя рука лежит на столе, мне никогда не придет в голову сказать, что она – рядом с пепельницей, как пепельница – рядом с телефоном. Контур моего тела – это некая граница, которую обыкновенные пространственные отношения не пересекают» [3, с. 137]. Мерло-Понти подчеркивает: «Пространственность моего тела не похожа на пространственность внешних объектов или “пространственных ощущений” – пространственность позиции; она – пространственность ситуации» [3, с. 138].

Мерло-Понти заявляет: «Если вообще я могу почувствовать пространство моего тела огромным или ничтожным, вопреки свидетельству моих чувств, значит, существуют некие аффективные присутствие и протяженность, по отношению к которым объективная пространственность не является ни достаточным, ...ни даже необходимым условием» [3, с. 199]. Естественнонаучные представления о пространстве эффективны и адекватны в тех исследованиях, которые касаются природных объектов. Позицию Мерло-Понти можно охарактеризовать словами Хайдеггера: «*Dasein* не потому является пространственным, что оно телесно, но телесность возможна лишь потому, что *Dasein* пространственно в смысле предоставляющего пространство» [11, с. 133].

Пространственность субъекта главным образом есть предмет для социально-гуманитарного исследования, в то время как естественнонаучный подход тут явно терпит неудачу. Об этом как нельзя лучше свидетельствуют слова Хайдеггера, обращенные к ученым: «На самом деле слёзы вы всё-таки никогда измерить не сможете, а когда вы их измеряете, то в лучшем случае вы измеряете не слёзы, а жидкость и капли жидкости» [11, с. 133].

Заключение

В неклассической философии проблема пространственности субъекта приобретает особо важное значение. Концептуальная разработка проблемы пространственности субъекта различными философами предоставляет разнообразные подходы к осмыслению указанного феномена и раскрывает его сложность, многоаспектность и многогранность. Подходы, разработанные на почве феноменологии, фундаментальной онтологии и онтологии повседневности, предоставляют возможность для более глубокого изучения феномена пространственности субъекта, тем самым расширяя арсенал познавательного инструментария и понятийного аппарата для понимания характера экзистенции субъекта. Анализ феномена пространственности субъекта в рамках неклассической философии обнаруживает чрезвычайную важность данной проблематики почти для всех направлений новейшей западной философии. В феноменологии Гуссерля проблема пространственности субъекта не получает удовлетворительного разрешения. Его концепция «жизненного мира», несмотря на все усилия, предпринятые со стороны немецкого философа, остаётся на солипсическом фундаменте, который неизбежно вытекает из понятия сознания. В хайдеггеровской трактовке пространственности субъекта мы обнаруживаем тотальную критику естественнонаучной установки, согласно которой человек воспринимается как нечто, наличествующее в трехмерном пространстве и поддающееся измерению. Хайдеггер делает акцент на том, что указанной установке характерно перескакивание через мирность мира, без которой невозможно правильное понимание пространственности субъекта. Во французской философии XX в. пространственность субъекта исследуется с учетом достижений феноменологии и фундаментальной онтологии. Для ее представителей характерно признание производности естественнонаучных трактовок пространственности субъекта от ее экзистенциального измерения. Наконец, пространственность субъекта, как многосложный феномен, требует дальнейшего всестороннего изучения и представляет собой плодотворное поле для разработки более исчерпывающего понимания сущности самой субъективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть / М. Фуко. – М. : Праксис, 2006. – Ч. 3. – 320 с.
2. Маяцкий, М. Место пространству!, или Этот очень special «spatial turn» [Электронный ресурс] / М. Маяцкий. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pushkin/Mesto-prostranstvu!> – Дата доступа: 05.10.2016.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – СПб. : Ювента : Наука, 1999. – 597 с.
4. Сокал, А. Интеллектуальные уловки / А. Сокал, Ж. Брикмон. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.
5. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академ. проект, 2015. – 460 с.

6. Гагарин, А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия / А. С. Гагарин // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. – 2009. – № 9. – С. 7–26.
7. Молчанов, В. И. История и пространство. Деструкция темпоральной историчности / В. И. Молчанов // Вопр. философии. – 2013. – № 7. – С. 24–37.
8. Молчанов, В. И. Конституция пространства. Суждение и тело / В. И. Молчанов // Вопр. философии. – 2011. – № 10. – С. 155–167.
9. Бурханов, А. Р. Сартр об экзистенциалах человеческого бытия [Электронный ресурс] / А. Р. Бурханов. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zhan-pol-sartrob-ekzistentsialah-chelovecheskogo-bytiya>. – Дата доступа: 05.10.2016.
10. Сартр, Ж. П. Бытие и ничто / Ж. П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
11. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары / М. Хайдеггер. – Вильнюс : ЕГУ, 2012. – 406 с.
12. Лефевр, А. Производство пространства / А. Лефевр. – М. : Strelka Press, 2015. – 432 с.
13. Молчанов, В. И. Исследования по феноменологии сознания / В. И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007. – 456 с.
14. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер // Европейский нигилизм / М. Хайдеггер. – СПб., 2007. – С. 87–245.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.12.2016

Kvatania A. Master's Degree in Philosophy, Postgraduate Student The Spatiality of the Subject as the Problem of Non-classical Philosophy

This article discusses the phenomenon of spatiality as the subject of non-classical philosophy. The author explicates the spatial characteristics of the subject and analyzes the characteristics of the different philosophical approaches to the problem. In this work, we articulated the value of spatial phenomena in the development of non-classical concept of subjectivity. Conceptual development of the problem of spatiality of the subject by various philosophers provides a variety of approaches to the understanding of this phenomenon and reveals its complexity, multidimensionality and versatility. The approaches developed on the basis of phenomenology, fundamental ontology and ontology of everyday life provide an opportunity for more in-depth study of the phenomenon of spatiality of the subject, thereby expanding the arsenal of cognitive tools and conceptual apparatus for understanding the nature of the existence of the subject.